

Шкель С.Н., Шакирова Э.В.

ИЗМЕРЯЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ: ИНДЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Аннотация: Предметом статьи является методика измерения конкурентного потенциала политической оппозиции посредством индексного анализа. Предложенная шкала кодирования оценки сильных и слабых сторон оппозиции учитывает как структурные возможности, так и режимные стимулы, которые обуславливают распределение ресурсов между властью и оппозицией. Представленная методика способствует пониманию факторов, ответственных за рост возможностей оппозиционных акторов, а также тех детерминант, которые, напротив, препятствуют этому. Рост числа авторитарных режимов в Мире и тенденции дефицита демократии, наблюдающиеся в последнее время, актуализируют проблему расчета реального конкурентного потенциала политической оппозиции в условиях, когда электоральные результаты существенным образом искажаются и не могут в полной мере объективно свидетельствовать о реальной поддержке со стороны населения оппозиционных кандидатов. Методом исследования является индексный анализ политических процессов. Построение индексной шкалы измерения конкурентного потенциала политической оппозиции базировалось на методологии индексного анализа, разработанного М. С. Шугартом, Дж. Кэри и получившей развитие в трудах А. Кроуэла и О. И. Зазнаева. Авторы использовали также опыт индексного анализа других прецедентов в рамках политической науки. Авторами статьи предложен метод операционализации понятия «конкурентный потенциал политической оппозиции» в виде индексной шкалы кодирования преимуществ власти и оппозиции, позволяющей измерять и рассчитывать Индекс конкурентного потенциала политической оппозиции. В качестве тестирования методика индексного анализа применена для измерения динамики эволюции политической оппозиции в России в период 1993-2012 гг.

Abstract: The object of the article involves the method for measuring competitive potential of political opposition via index analysis. The provided scale for coding weak and strong points of the opposition takes into consideration both structural possibilities and regime stimulate, providing for distribution of resources between government and opposition. The provided method facilitates understanding of the factors responsible for the growth of opportunities for the opposition actors, as well as determinants preventing it. Growth of the number of authoritarian regimes in the world and the tendencies for the democracy deficit, showing themselves lately, make the problem of calculating the real competitive potential of political opposition in the conditions especially topical, when the electoral results get distorted and they therefore fail to objectively reflect the real support of opposition by the people. The method of studies is index analysis of political process. Formation of the index scale for measuring the competitive potential of political processes was based upon the methodology of index analysis by M.S. Shugart, J. Carey, as developed in the works A. Crowell and O.I. Zaznayev. The author used the experience of index analysis of other precedents within the frameworks of political science. The authors of the article offered the method of operationalizing the term “competitive potential of the political opposition” as an index scale for encoding the strong points of government and opposition, allowing to measure and calculate the index of competitive potential of the political opposition. As a test, the method of index analysis is used to measure the dynamics of evolution of the political opposition in Russia in 1993-2012.

Ключевые слова: Политическая оппозиция, индексный анализ, Россия, политический режим, методы измерения, политические элиты, контрэлиты, политические акторы, электорат, власть.

Keywords: Political opposition, index analysis, Russia, political regime, measurement methods, political elites, counter-elites, political actors, electorate, power.

В современных демократических странах значение политической оппозиции не подвергается сомнению. В государствах авторитарного правления она признается только формально, на практике же подвергается преследованиям и давлению. Особое место политическая

оппозиция занимает в государствах с переходными режимными характеристиками. Можно ли рассчитать конкурентный потенциал политической оппозиции в условиях, когда электоральные результаты не могут в полной мере объективно свидетельствовать о реальной поддержке со

стороны населения оппозиционных кандидатов? Используя методику индексного анализа, в статье мы пытаемся ответить на этот вопрос.

Факторы динамики конкурентного потенциала политической оппозиции

В данной работе «конкурентный потенциал оппозиции» (КПО) понимается как определенный уровень возможностей и ресурсных достижений, используя которые оппозиция может не просто увеличить шансы достижения властных позиций на основе стратегии лояльности, но сделать это в результате конкурентного соперничества. Следовательно, детерминантами, способствующими повышению уровня потенциала оппозиции можно признать не только непосредственное наращивание оппозицией политических ресурсов, но и такие факторы, которые стимулируют большую принципиальность оппозиции, сдвигая ее по шкале от лояльной полуоппозиции к нелояльной оппозиции¹.

Опираясь на существующие в современной политической науке теории, факторы, влияющие на рост возможностей оппозиции, можно условно разделить на *структурные и процедурно-агентские*².

Структурные факторы. Под структурными факторами, оказывающими влияние на динамику режимных изменений, как правило, понимают такие характеристики государства и общества как степень национальной консолидации³, характер национальной идентичности с точки зрения возможностей мобилизации населения на основах оппозиционного национализма⁴, доминирующий тип политической культуры социума⁵, эффективность государства⁶, макроэконо-

мические параметры политики⁷. При анализе конкурентного потенциала оппозиции нам представляется целесообразным учитывать следующие структурные параметры: макроэкономические показатели государства; доминирующие общественные настроения; политические рейтинги власти и оппозиции; управленческий потенциал государства. Раскроем более подробно основные теоретические положения, указывающие на каузальную взаимосвязь между этими факторами и возможностями оппозиции.

Макроэкономика (I). На значимость экономических факторов в динамике взаимодействия между властью и оппозицией указывают многие исследователи⁸. Экономический рост способствует стабильному функционированию государственного аппарата, сохранению возможности для властвующих элит политизировать и использовать в своих целях государственные институты, сохранять общую стабильную социально-политическую обстановку, своевременно устранять угрозы раскола элит и возможные нелояльные стратегии контрэлит, инвестировать ресурсы в лояльные политические проекты, формировать патронажные сети и способствовать маргинализации оппозиции. Все это обуславливает прочность властвующей элиты и сокращает уровень поддержки оппозиции. Экономическое развитие в ресурсных «петрогосударствах», к каковым относится и современная Россия, часто подрывает модернизационные эффекты и способно не столько усилить демократизацию, сколько создать «ресурсную ловушку нефтяного проклятия», расширяя возможности не для оппозиции, а для удержания власти авторитарных правителей⁹.

Вместе с тем, из тезиса о том, что экономический рост укрепляет власть, вовсе не следует, что резкий экономический спад автоматически приводит к усилению оппозиции. Следует иметь в виду не только сам по себе

¹ Linz J. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // Regimes and Oppositions. R.Dahl (ed.). – New Haven and London: Yale University Press, – 1978. – P. 191–238.

² Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 6–38.

³ Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели Текст. / Д. Растоу // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5–15.

⁴ Darden K., Grzymaa-Busse A.M. The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse // World Politics. – 2006. vol. 59. no. 1. P. 83–115; Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. – 2005. – vol. 57. – no. 2. – P. 231–261.

⁵ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

⁶ Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. – 1997. – № 5. – С. 9–30; Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth

Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia and Ukraine // World Politics. – 2005. – vol. 57. – no. 2. – P. 231–261.

⁷ Lipset S. M., Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. – 1995. – №53. – P. 69–105.

⁸ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. UK: Cambridge University Press, – 2006. – P. 91–110; Greene K. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. – 2010. vol. 43. no. 7. P.807–834; Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. – 2010. – №4–5. – С. 6–22.

⁹ Ross M. L. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. – 2001. – vol. 53. – no. 3. – P. 325–361; Щербак А.Н. «Нефтяное проклятие» политического развития // Нефть, газ, модернизация общества. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, – 2008.

экономический спад, но и сроки его продолжительности. Не менее значимым является характер кризиса. Как заметил Т. Пепински, внешние шоки, вызванные международными экономическими колебаниями, могут для власти оказаться куда менее опасными, чем внутренний экономический кризис, поскольку в условиях экзогенных вызовов власть может перенести ответственность на внешние обстоятельства и «выглядеть невинной овечкой»¹⁰.

Общественные настроения (2). Данный фактор связан с доминирующими трендами в общественных настроениях, которые меняются по шкале «реформы – стабильность» и фиксируются посредством социологических замеров¹¹. В зависимости от того, какой тренд является доминирующим и кто в определенный отрезок времени его олицетворяет – власть или оппозиция – переменная указывает на максимизацию или минимизацию возможностей того или иного политического актора.

Рейтинг власти (3). Данный фактор тесно связан с двумя предыдущими, но не сводится к ним. Определить динамику рейтингов власти достаточно просто по результатам регулярных социологических замеров ведущих исследовательских центров. Следует, однако, отметить, что снижение популярности власти не всегда автоматически ведет к росту общественной поддержки оппозиции. При снижении популярности властвующих элит режим часто весьма эффективно применяет стратегию дискредитации оппозиции, лишая общество альтернативы и создавая эффект «вынужденного принятия» политической действительности, далекой от идеала в представлении общества¹². Таким образом, при оценке данной переменной следует обращать внимание не только на рейтинг власти, но и на рейтинг оппозиции, тренды которых могут быть отнюдь не связаны друг с другом. Тем не менее, снижение рейтинга власти, безусловно, создает возможности для наращивания конкурентного потенциала оппозиции.

Потенциал государства (4). Под данным фактором мы понимаем не только эффективность государственного управления, но и наличие у властвующей элиты ресурсов, позволяющей ей ограничивать вли-

яние контрэллит, политизировать государственный сектор и использовать его составляющие (бюджетные организации, суды, силовые органы, бизнес и т. д.) в своих политических целях. Следуя выводам К. Грина и Л. Вея¹³ можно утверждать, что сокращение потенциала государства прямо пропорционально росту потенциала оппозиции.

Режимные факторы. Если понимать под политическим режимом «совокупность явных и скрытых моделей, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристик акторов и используемых ими стратегий»¹⁴, то весь спектр процедурно-агентских факторов можно рассматривать в качестве режимных, к каковым можно отнести наличествующие институты, понимаемые в духе неоинституционализма как «правила игры»¹⁵, а также констелляцию элит и распределение ресурсов между ними, которые в конечном итоге обуславливают стратегии политических действий и возможности оппозиции¹⁶. С точки зрения влияния на потенциал оппозиции важнейшими институциональными факторами можно признать форму правления государства; тип избирательной системы; степень институционализации оппозиции; барьеры допуска оппозиции на политический рынок; характер политической конкуренции. Существенным фактором, расширяющим возможности оппозиции, является степень фрагментации или раскола элит¹⁷. К режимному фактору, задающему определенные стимулы и ограничения для оппозиции, можно отнести также стратегический выбор инкумбента, что может выражаться в таком параметре как степень репрессивности режима. Основные теоретические положения, обосновывающие влияние перечисленных факторов на потенциал политической оппозиции, следующие.

¹³ Greene K. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. – 2010. – vol. 43. no. 7. – P.807-834; Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. – 2005. – vol. 57. – no. 2. – P. 231-261.

¹⁴ O'Donnell G., Schmitter Ph. Whitehead L. Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. London: Johns Hopkins University Press, – 1986. – p. 73

¹⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начало», – 1997.

¹⁶ Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. – 2007. – № 2. – С. 81-108.

¹⁷ Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transition and Breakdowns // American Sociological Review. – 1989. – vol. 54. – no. 1. – P. 17-32.

¹⁰ Pepinsky T. The Global Economic Crisis and the Politics of Non-Transitions // Government and Opposition. – 2012. – vol. 47. no. 2. – P. 135-147.

¹¹ Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. – 2010. – №4-5. – С. 6-22.

¹² Роуз Р., Манро Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 2. – С. 30-42.

Форма правления государства (5). Одним из важных критериев типологии политических режимов, разработанной В. Меркелем и А. Круассаном, является понятие «конституционализм»¹⁸. На практике в институциональной конструкции отсутствие конституционализма выражается в виде установления президентской формы правления с широкими полномочиями главы государства, которые, по существу, разрушают систему сдержек и противовесов и нарушают принцип разделения властей. Для оппозиции следствием этого является возникновение стимулов, способствующих ее эволюции в сторону принципиальной позиции. Как указал Х. Д. Линц, президентская система «работает по принципу «победитель получает все», что само по себе делает политику игрой с нулевой суммой»¹⁹. Этот же фактор является стимулом для консолидации оппозиции и решению ею «проблемы коллективного действия»²⁰. И хотя эти стимулы могут быть заблокированы другими факторами режимного порядка, в целом можно предположить, что президентская форма правления способствует принципиальности оппозиции и ее стремлению к наращиванию конкурентного потенциала, в то время как в условиях парламентаризма большую роль играют стимулы эволюции оппозиции в сторону лояльности и выбора стратегии системных действий.

Хотя современные государства могут иметь смешанные формы правления, в целом, используя методику индексного анализа форм правления²¹, можно достаточно точно определить доминирование президентского анализа или парламентаризма в институциональном устройстве государства.

Избирательная система (6). Как и в случае с формой правления, избирательные правила мажоритарного и пропорционального типов задают разные эффекты на стратегический выбор оппозиции. В случае мажоритарной системы оппозиция склонна тяготеть к принципиальности и имеет стимулы к консолидации с другими оппозиционными акторами для максимизации шансов выигрыша в политическом соперничестве. Данное утверждение нашло обоснование в известном тезисе М. Дюверже о влиянии мажоритарной избирательной си-

стемы на формирование политической биполярности²². Пропорциональная избирательная система не создает таких стимулов и больше способствует эффектам фрагментации, лояльности оппозиции, а значит, объективно работает на ее ослабление.

Степень институционализации оппозиции (7). Данный параметр разительно отличает чистые типы режимов от гибридных. В либеральных демократиях политическая оппозиция институционально оформлена, что в предельной форме выражается в виде конституционного закрепления ее прав и гарантий²³. В режимах закрытого авторитаризма институционализация оппозиционной деятельности отсутствует. Несколько более двусмысленное положение политической оппозиции в гибридных режимах. С одной стороны, политическая оппозиция существует вне окончательной институционализации на уровне права, с другой стороны, ее деятельность формально признается легальной, что фиксируется как в Конституциях, так и в других законах, связанных с избирательным процессом. Так, например, в России до сих пор не принят закон об основных гарантиях оппозиционной деятельности, хотя попыток сделать это с 1996 года было три²⁴. В тоже время оппозиционные партии и организации существуют на легальных основаниях. Но их не до конца определенный правовой статус позволяет власти регулировать их деятельность весьма произвольно, создавая препятствия для свободной политической деятельности многих из них. Таким образом, в условиях гибридного режима данная переменная может иметь амбивалентный характер. Тем не менее, в целом можно предполагать, что институционализация способствует силе оппозиции, а ее отсутствие слабости.

Барьеры к допуску оппозиции на политический рынок (8). В закрытом авторитаризме барьеры носят высокий и исключительный характер. В дефектных демократиях, как и в либеральных демократиях, власть сохраняет низкие барьеры входа на политический рынок оппозиции и существующие ограничения универсально применяются ко всем политическим акторам. Конкурентный авторитаризм в этом плане имеет существенную специфику. В данном случае ис-

¹⁸ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. – 2002. – № 1. – С. 6-17.

¹⁹ Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. – 1994. – № 2–3. (<http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm>)

²⁰ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, – 1995. – С. 14

²¹ Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. – 2007. – № 2. – С. 146-164.

²² Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проспект, – 2000. – С.345

²³ Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт права и публичной политики, – 2010. – С.11.

²⁴ Салихов Д. Р. Актуальные вопросы оппозиционной деятельности в Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. – 2010. (<http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1421>).

ключение оппозиции из легального поля происходит не столько на основе идеологического доминирования и открытых репрессивных практик, сколько на базе высоких административных барьеров. Другими словами, политическая оппозиция не столько подавляется, сколько маргинализируется. Одновременно с этим режим конкурентного авторитаризма создает предпочтения (административные, финансовые, медийные) для определенных партий и организаций, которые играют роль спойлеров или демократического фасада, создавая устойчивость функционирования авторитарной системы. Это приводит к специфической структуре оппозиции, которая делится на лояльную полуоппозицию и принципиальную оппозицию.

Данное обстоятельство создает особое положение и структуру политических возможностей для оппозиции в условиях гибридных режимов. Существование оппозиции в условиях дефектной демократии позволяет ей участвовать в выборах, что делает избирательный процесс достаточно конкурентным и отчасти непредсказуемым. В конкурентном авторитаризме выборы тоже остаются весьма значимым институтом политического процесса, поскольку, хотя принципиальная оппозиция и исключается из избирательных процедур, тем не менее, она может косвенно влиять на электоральные процессы разными способами. Например, используя разные рода стратегии влияния на поведение лояльной полуоппозиции, которая, несмотря на свою зависимость от власти, в определенных обстоятельствах может выйти из под контроля властвующей группы и увеличить уровень политической конкуренции, создав реальную угрозу стабильности режима.

Таким образом, более сложная и находящаяся в постоянной динамике диспозиция между лояльной полуоппозицией и принципиальной нелегализованной оппозицией сохраняет элемент неустойчивости в функционировании конкурентного авторитаризма, который особенно остро проявляется в момент выборов и решения элитой инкумбента проблемы наследования власти. И хотя наличие выборных институтов может быть использовано автократиями для легитимации режима и укрепления своей власти посредством кооптации элит и мониторинга слабых мест в управлении²⁵ те же самые

особенности существования выборов и политической оппозиции при определенных условиях могут подорвать устойчивость конкурентного авторитаризма и запустить процесс его слома или трансформации посредством «прокидывающих выборов»²⁶.

С учетом указанных особенностей политической оппозиции в разных типах режимов можно выдвинуть предположение, что низкие барьеры допуска политических акторов на политический рынок способствуют силе оппозиции, а высокие – ее слабости. В условиях гибридного режима и разделения оппозиции на легализованную и нелегализованную эффекты высоких барьеров могут носить амбивалентный характер.

Характер политической конкуренции (9). Этот параметр можно фиксировать на основе анализа хода электоральных процессов или их оценки со стороны независимых организаций по наблюдению за выборами. В условиях либеральной демократии политическое соперничество является свободным и справедливым, что обуславливается реализацией классических необходимых условий демократии, сформулированных Р. Далем²⁷. Это, безусловно, способствует росту конкурентного потенциала оппозиции. Закрытый авторитаризм, как антипод либеральной демократии, все эти условия игнорирует, что обуславливает несвободный и несправедливый характер политической конкуренции. Дефектная демократия отличается тем, что при свободном допуске к выборным механизмам всех оппозиционных акторов, тем не менее, не выполняет всех условий либеральной демократии, что не гарантирует инкумбентам победы, но существенно повышает эти шансы.

Конкурентный авторитаризм отличается от всех режимных типов тем, что допускает свободные выборы только для лояльных или не опасных для власти политических субъектов, одновременно с этим административным путем отсекая от избирательного процесса принципиальную оппозицию. В такой ситуации выборы оказываются особенно выгодны для властвующей элиты с точки зрения повышения легитимации режима, поскольку электоральные результаты формально демонстрируют мощную народную поддержку инкумбента и сами выборы становятся одним из механизмов маргинализации и дискредитации оппозиции, что и

²⁵ Bueno De Mesquita, Smith A., Siverson R., Morrow J. M. The Logic of Political Survival. Cambridge, MA: The MIT Press, – 2003. – P. 134; Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, cooptation and rebellion under dictatorship // Economics and Politics. – 2006. – vol. 18. – no. 1. – P. 1-26; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies. – 2008. – vol. 41. – no. 4-5. – P. 715–741; Gandhi J., Reuter O. J. The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections // Democratiza-

tion. – 2013. – vol. 20. – no. 1. – P. 137–159; Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. 2013. – vol. 20. – no. 1. – P. 13–38.

²⁶ Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX в. М.: Прогресс, – 2003. – С. 178–181

²⁷ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ, – 2010. – С. 8

является одним из условий прочности и долгосрочного выживания автократии²⁸. Таким образом, в условиях конкурентного авторитаризма характер политической конкуренции можно определить как частично свободный и несправедливый. Для оппозиции данный фактор имеет следствие в виде ее ослабления.

Степень репрессивности (10). Либеральная и дефектная демократии характеризуются низкой степенью репрессивности режима по отношению к политической оппозиции, что, как правило, увеличивает ее конкурентный потенциал и при этом стимулирует ее выбирать стратегию конвенциональной борьбы. Этого нельзя сказать об автократиях. Однако, если в закрытом авторитаризме репрессии против оппозиции высокие и проводятся перманентно, то конкурентный авторитаризм в целом характеризуется низкой репрессивностью, используя более гибкие стратегии кооптации или маргинализации потенциальных противников. Можно сказать, что конкурентный авторитаризм характеризуется низкой или избирательно высокой репрессивностью, которая, как правило, носит локальный и временный характер. Следствием этого является и характер стимулов, определяющих выбор стратегии оппозиции, который может заметно варьироваться от конвенциональных до радикальных методов борьбы в виде протеста и акций неповиновения.

Общее предположение можно сформулировать следующим образом: высокая степень репрессивности режима увеличивает цену оппозиционности и сокращает влияние оппозиционных акторов. Низкая степень репрессивности понижает цену оппозиционности и расширяет возможности оппозиции. Непоследовательность репрессивных практик приводит к ситуативным эффектам, действующим разнонаправлено.

Раскол элит (11). Раскол властвующих элит повышает конкурентный потенциал оппозиции, а его отсутствие способствует обратному эффекту. При определении факта раскола элит следует иметь в виду характер этого раскола и степень его опасности для властвующей группировки. Высоким уровнем опасности можно признать факт возникновения активных контрэлит в высших органах власти. Средний уровень возможностей для оппозиции дает фрагментация или раскол на уровне контрэлит регионального уровня. Отсутствие данных фактов свидетельствует о минимальных возможностях для наращивания конкурентного потенциала оппозиции.

²⁸ Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. – 2008. – vol. 41. – no. 4-5. – P. 715-741.

Шкала индексного анализа конкурентного потенциала политической оппозиции

Все вышеперечисленные одиннадцать факторов создают как ограничения, так и возможности для перераспределения ресурсов между властью и оппозицией. При учете распределения ресурсов важнейшими из них можно признать лидерские, идеологические, стратегические, медийные и организационные. Все перечисленные структурные и режимные факторы, а также обозначенные ресурсы можно использовать для вычисления индекса конкурентного потенциала оппозиции. Для этого нами используется методика индексного анализа, получившая распространение при измерении самых различных аспектов политики²⁹.

Структурные факторы являются независимыми переменными, которые в значительной степени влияют на динамику политического режима, параметры которого, в свою очередь, могут расширить или, напротив, сократить возможности для наращивания ресурсов оппозиции. Таким образом, сила оппозиции складывается как сумма благоприятных для нее структурных факторов, которые можно обозначить как структурные возможности (СВ), политико-режимных стимулов (РС) и ресурсных достижений (РД). Формулу расчета Индекса оппозиции (ИО) можно представить в виде:

$$ИО = СВ + РС + РД$$

Поскольку как преимущества, так и уязвимость оппозиции в значительной степени зависят от аналогичных показателей властвующей элиты, кодирование переменных следует производить на основе дихотомического деления: индекс власти (ИВ) и индекс оппозиции (ИО). Данные индексы вычисляются на основе суммирования значений 16 параметров, которые, в свою очередь, оцениваются по шкале от 0 до 1. Если по конкретному параметру наличествует признак, сопутствующий превосходству власти, то к ИВ присваивается значение 1. Если, напротив, признак говорит о преимуществах оппозиции, то к ИВ присваивается значение 0. Аналогичным образом кодируются переменные и применительно к ИО, только с обратной

²⁹ Shuqart M.S. Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. UK: Cambridge University Press, – 1992; Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // *Полис*. – 2007. – № 2. – С. 146-164; Миронюк М. Г., Тимофеев И. Н., Ваславский И. Я. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // *Полис*. – 2006. – № 5. – С. 39-57.

логикой. Поскольку ряд параметров могут иметь амбивалентные эффекты как по отношению к власти, так и по отношению к оппозиции, что часто связано с неоднозначным влиянием на оппозицию эффектов гибридных режимов, кроме бинарных значений от 1 до 0 мы предусматриваем возможность кодировать промежуточные показатели значением 0,5. Обобщенная структура индексирования и операционализация всех 16 параметров расчета индекса власти и оппозиции представлена в табл. 1 (См. Приложение).

Путем вычитания индекса власти из индекса оппозиции можно получить *Индекс конкурентного потенциала оппозиции* (КПО):

$$\text{КПО} = \text{ИО} - \text{ИВ}$$

Положительные значения КПО указывают на большие возможности оппозиции и на ее высокую вероятность конвертировать свой потенциал в электоральный успех. Отрицательные значения КПО, напротив, указывают на ослабление оппозиции и минимизацию ее роли в политической жизни общества.

В качестве демонстрации применения предложенной шкалы измерения динамики конкурентного потенциала оппозиции мы использовали эмпирические данные постсоветской России в период 1993-2012 гг. Результаты измерения структурных, режимных и ресурсных факторов согласно изложенной методике представлены на рис. 1. Оценка значений проводилась на основе анализа 16 переменных, отражающих ситуацию перед каждым президентскими и парламентскими выборами в России в период с 1993 по 2012 гг. Сводные данные кодирования и индексирования представлены в табл. 2 (См. Приложение).

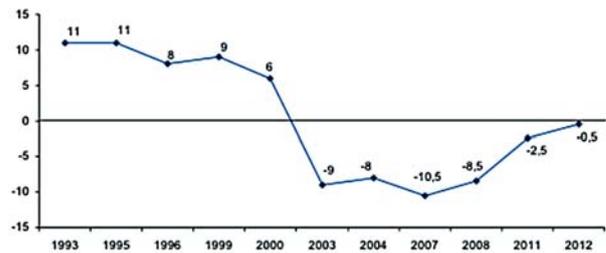

Рис. 1. Динамика Индекса конкурентного потенциала политической оппозиции в России в период 1993-2012 гг.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели основные факторы, влияющие на динамику конкурентного потенциала политической оппозиции и на основе существующих в политической науке теоретических объяснительных схем, представили исследовательскую модель индексной шкалы оценки конкурентного потенциала политической оппозиции, включающую в себя 16 параметров. В качестве предварительного тестирования эта методика индексного анализа применена для измерения динамики эволюции политической оппозиции в России в период 1993-2012 гг. Полученные данные могут быть основой для последующего более детального изучения причинно-следственных механизмов влияния конкретных факторов на динамику конкурентного потенциала политической оппозиции в постсоветской России.

Приложение. Таблица 1. Параметры оценки для расчета индексов оппозиции и власти

№	Факторы	Операционализация	Источники данных	Кодирование индекса оппозиции
Структурные возможности				
1	Макроэкономика	Динамика ВВП	Росстат, Всемирный Банк.	Рост-0; стагнация-0,5; рецессия -1.
2	Общественные настроения	Доминирующие общественные настроения по шкале «реформы -стабильность»	Социологические службы «ФОМ», «ВЦИОМ», «Левада-Центр», Институт социологии РАН.	Более 50% респондентов одобряют курс правительства – 0; более 50% респондентов не одобряют курс правительства – 1
3	Рейтинги власти и оппозиции	Уровень доверия населения к действующей власти и оппозиции	Социологические службы «ФОМ», «ВЦИОМ», «Левада-Центр», Институт социологии РАН.	Рейтинг власти превышает 50% – 0; рейтинг власти ниже 50% – 1.
4	Потенциал государства	Наличие или отсутствие материальных и организационных ресурсов у инкубента, позволяющих минимизировать элитную фрагментацию и политизировать государственный аппарат.	Данные министерств РФ о доходных и расходных статьях государственного бюджета, экспертные данные.	Высокий потенциал государства – 0; средний – 0,5; низкий – 1.
Режимные стимулы				
5	Форма правления государства	Индекс формы правления А. Кроувела – О. И. Зазнаева.	Конституция и законы РФ.	Парламентаризм – 0; смешанная форма – 0,5; президентанизм – 1.
6	Избирательная система	Фиксация типа избирательной системы при проведении выборов.	Избирательное законодательство РФ.	Пропорциональная система – 0; смешанная -0,5; мажоритарная – 1.
7	Степень институционализации оппозиции	Наличие или отсутствие закона о гарантиях оппозиционной деятельности.	Конституция РФ, избирательное законодательство и экспертные данные о правоприменительной практике в области партийного строительства.	Законодательные или идеологические обоснования для запрета оппозиционных организаций – 0; отсутствие таковых – 0,5; наличие закона о гарантиях оппозиционной деятельности – 1.

Власть и управление

8	Барьеры допуска на политический рынок	Наличие или отсутствие административных барьеров при регистрации кандидатов и партий, уровень электорального барьера при выборах легислатуры, коэффициент эффективного числа партий.	Избирательное законодательство РФ, электоральная статистика.	Электоральный порог выше 5%, коэффициент электоральных партий ниже 5, а электоральных ниже 2 – 0; электоральный порог не выше 5%, коэффициент электоральных партий не ниже 5, а электоральных не ниже 2 – 1.
9	Характер политической конкуренции	Характер электоральных процессов по критериям «свободы» и «справедливости».	Данные экспертов и доклады ОБСЕ о характере избирательного процесса.	Несвободные и несправедливые выборы – 0; свободные, но несправедливые выборы – 0,5; свободные и справедливые выборы – 1.
10	Степень репрессивности режима	Доля политически репрессированных в % на общее количество населения и наличие систематических репрессий по отношению к ключевым лидерам оппозиции.	Данные ивент-анализа и экспертные данные.	Массовые репрессии (не менее 0,5% от общей численности населения) – 0; отсутствие массовых репрессий (менее 0,5% от общего количества населения), но систематические репрессии по отношению к лидерам оппозиции – 0,5; отсутствие массовых репрессий и преследований лидеров оппозиции – 1.
11	Раскол или фрагментация элит	Наличие или отсутствие открытых политических противоречий в среде инкумбента или сильной региональной фронды.	Экспертные данные.	Монолитная элита – 0; фрагментированная элита – 0,5; разделенная элита – 1.
Ресурсные достижения				
12	Лидерские	Параметры распределения ресурсов с точки зрения увеличения или сокращения преимуществ оппозиции	Экспертные данные и ивент-анализ.	Преобладание ресурсов у власти – 0; равное распределение – 0,5; преобладание ресурсов у оппозиции – 1. Оценка производится по каждому из параметров отдельно.
13	Идеологические			
14	Стратегические			
15	Медийные			
16	Организационные			

Приложение. Таблица 2. Сводная таблица кодирования Индекса власти и Индекса оппозиции с расчетом Индекса конкурентного потенциала оппозиции в России в период 1993-2012 гг.

Случаи	Структурные				Режимные							Ресурсные				Сумма	КПО		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15			16	
1993	ИВ	0	0	0	0	0	0,5	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	0	2,5	11
	ИО	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	13,5	
1995	ИВ	0	0	0	0	0	0,5	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	0	2,5	11
	ИО	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	13,5	
1996	ИВ	0	0	0	0	0	0*	0,5	0	0,5	0	0,5	0	0,5	1	1	0	4	8
	ИО	1	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0	0	1	12	
1999	ИВ	0	0	0	0	0	0,5	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	1	0,5	0	3,5	9
	ИО	1	1	1	1	1	0,5	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	0	0,5	1	12,5	
2000	ИВ	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0,5	0	0,5	1	0,5	1	1	0	5	6
	ИО	1	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0	0,5	0	0	1	11	
2003	ИВ	1	1	1	1	0	0,5	0,5	1	0,5	0,5	1	1	1	1	1	0,5	12,5	-9
	ИО	0	0	0	0	1	0,5	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0	0,5	3,5	
2004	ИВ	1	1	1	1	0	0	0,5	1	0,5	0,5	1	1	1	1	1	0,5	12	-8
	ИО	0	0	0	0	1	1	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0	0,5	4	
2007	ИВ	1	1	1	1	0	1	0,5	1	1	0,5	1	1	1	1	1	0,5	13,5	-10,5
	ИО	0	0	0	0	1	0	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0	0,5	3	
2008	ИВ	1	1	1	1	0	0	0,5	1	1	0,5	1	1	1	1	1	0,5	12,5	-8,5
	ИО	0	0	0	0	1	1	0,5	0	0,5	0,5	0	0	0	0	0	0,5	4	
2011	ИВ	0,5	1	1	1	0	1	0,5	1	1	0	1	0,5	0	0	0,5	0,5	9,5	-2,5
	ИО	0,5	0	0	0	1	0	0,5	0	0,5	1	0	0,5	1	1	0,5	0,5	7	
2012	ИВ	0,5	1	1	1	0	0	0,5	1	1	0	1	0,5	0	0	0,5	0,5	8,5	-0,5
	ИО	0,5	0	0	0	1	1	0,5	0	0,5	1	0	0,5	1	1	0,5	0,5	8	

* Выделенные значения указывают на динамику в сравнении с предыдущим этапом.

Библиография:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122-134.
2. Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт права и публичной политики, 2010. С.11.
3. Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2. С. 81-108.
4. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 8
5. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проспект, 2000. С.345
6. Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. № 2. С. 146-164.
7. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С. 9-30.
8. Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. 1994. №2-3. (<http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm>)
9. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6-38.
10. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 6-17.
11. Миронюк М. Г., Тимофеев И. Н., Ваславский И. Я. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // Полис. 2006. № 5. С. 39-57.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997.
13. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. С. 14
14. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5-15.
15. Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. №4-5. С. 6-22.
16. Роуз Р., Манро Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения. 2005. № 2. С. 30-42.
17. Салихов Д. Р. Актуальные вопросы оппозиционной деятельности в Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2010. (<http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1421>).
18. Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX в. М.: Прогресс, 2003. С. 178-181
19. Щербак А.Н. «Нефтяное проклятие» политического развития // Нефть, газ, модернизация общества. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.
20. Bueno De Mesquita, Smith A., Siverson R., Morrow J. M. The Logic of Political Survival. Cambridge, MA: The MIT Press, 2003. P. 134
21. Darden K., Grzymaa-Busse A.M. The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse // World Politics. 2006. Vol. 59. No. 1. P. 83-115.
22. Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, cooptation and rebellion under dictatorship // Economics and Politics. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 1-26.
23. Gandhi J., Reuter O. J. The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections // Democratization. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 137-159.
24. Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 13-38.
25. Greene K. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43. No. 7. P.807-834.
26. Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transition and Breakdowns // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. No. 1. P. 17-32.
27. Linz J. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // Regimes and Oppositions / R.Dahl (ed.). New Haven and London: Yale University Press, 1978.
28. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1995. Vol. 53. No. 1. P. 69-105.
29. Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. UK: Cambridge University Press, 2006. P. 91-110
30. Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41. No. 4-5. P. 715-741.
31. O'Donnell G., Schmitter Ph. Whitehead L. Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. London: Johns Hopkins University Press, 1986. p. 73
32. Pepinsky T. The Global Economic Crisis and the Politics of Non-Transitions // Government and Opposition. 2012. Vol. 47. No. 2. P. 135-147.
33. Ross M. L. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. Vol. 53. No. 3. P. 325-361.
34. Shuqart M.S. Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. UK: Cambridge University Press, 1992.
35. Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. No. 2. P.231-261.

References (transliteration):

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii // Polis. 1992. № 4. S. 122-134.
2. Vasil'eva S.V. Konstitutsionno-pravovoi status politicheskoi oppozitsii. M.: Institut prava i publichnoi politiki, 2010. S.11.
3. Gel'man V.Ya. Iz ognya da v polymya? Dinamika postsovetских rezhimov v sravnitel'noi perspektive // Polis. 2007. № 2. S. 81-108.
4. Dal' R. Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya. M.: GU VShE, 2010. C. 8
5. Dyuverzhe M. Politicheskie partii. M.: Akademicheskii prospekt, 2000. S.345
6. Zaznaev O.I. Indeksnyi analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i postsovetского prostranstva // Polis. 2007. № 2. S. 146-164.
7. Lints X., Stepan A. Gosudarstvennost', natsionalizm i demokratizatsiya // Polis. 1997. № 5. S. 9-30.
8. Lints Kh. Opasnosti prezidentstva // Predely vlasti. 1994. № 2-3. (<http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm>)
9. Mel'vil' A.Yu. Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i protsedurnogo podkhodov k demokraticeskim tranzitam // Polis. 1998. № 2. S. 6-38.
10. Merkel' V., Kruassan A. Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratiyakh (I) // Polis. 2002. № 1. S. 6-17.
11. Mironyuk M. G., Timofeev I. N., Vaslavskii I. Ya. Universal'nye sravneniya s ispol'zovaniem kolichestvennykh metodov analiza (Obzor pretsedentov) // Polis. 2006. № 5. S. 39-57.
12. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachalo», 1997.
13. Olson M. Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp. M.: FEI, 1995. C. 14
14. Rastou D. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli // Polis. 1996. № 5. S. 5-15.
15. Rogov K. Gipoteza tret'ego tsikla // Pro et Contra. 2010. №4-5. S. 6-22.
16. Rouz R., Manro N., Mishler U. Vynuzhdennoe prinyatie «nepolnoi» demokratii. Politicheskoe ravnovesie v Rossii // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2005. № 2. S. 30-42.
17. Salikhov D. R. Aktual'nye voprosy oppozitsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2010. (<http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1421>).
18. Khantington S. Tret'ya volna: demokratizatsiya v kontse KhKh v. M.: Progress, 2003. C. 178-181
19. Shcherbak A.N. «Neftyanoe proklyatie» politicheskogo razvitiya // Neft', gaz, modernizatsiya obshchestva. SPb.: «Ekonomicheskaya shkola» GU VShE, 2008.
20. Bueno De Mesquita, Smith A., Siverson R., Morrow J. M. The Logic of Political Survival. Cambridge, MA: The MIT Press, 2003. P. 134
21. Darden K., Grzymaa-Busse A.M. The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse // World Politics. 2006. Vol. 59. No. 1. P. 83-115.
22. Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, cooptation and rebellion under dictatorship // Economics and Politics. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 1-26.
23. Gandhi J., Reuter O. J. The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections // Democratization. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 137-159.
24. Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // Democratization. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 13-38.
25. Greene K. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43. No. 7. P.807-834.
26. Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transition and Breakdowns // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. No. 1. P. 17-32.
27. Linz J. Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain // Regimes and Oppositions / R.Dahl (ed.). New Haven and London: Yale University Press, 1978.
28. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1995. Vol. 53. No. 1. P. 69-105.
29. Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. UK: Cambridge University Press, 2006. P. 91-110
30. Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41. No. 4-5. P. 715-741.
31. O'Donnell G., Schmitter Ph. Whitehead L. Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. London: Johns Hopkins University Press, 1986. p. 73
32. Pepinsky T. The Global Economic Crisis and the Politics of Non-Transitions // Government and Opposition. 2012. Vol. 47. No. 2. P. 135-147.
33. Ross M. L. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. Vol. 53. No. 3. P. 325-361.
34. Shuqart M.S. Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. UK: Cambridge University Press, 1992.
35. Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. No. 2. P. 231-261.